

РИСУНОК: АНТОН ФЕДОРОВ «ИЗВЕСТИЯ»

Юкио Мисима

Храм на рассвете

Только в «Известиях» можно познакомиться с романом самого знаменитого, загадочного и скандального японского писателя Юкио Мисимы — «Храм на рассвете». Это третья часть тетралогии «Море изобилия», ставшей последним произведением писателя. В тот день, когда автор романов «Исповедь маски» и «Золотой храм» завершил работу над книгой, Юкио Мисима покончил с собой, по самурайскому обычаю вспоров себе живот. Полностью роман выйдет в издательстве «Симпозиум» на следующей неделе.

Юкио Мисима (настоящее имя — Кимитакэ Хираока), японский писатель, родился в 1925 году в семье государственного чиновника. Маленького Кими воспитывала бабушка, которая запрещала ему гулять со своими сверстниками и играть в шумные игры. В шесть лет по протекции своего деда, бывшего губернатора Южного Сахалина, он поступил в привилегированную школу Гакусин, где также учились дети из императорской семьи, и закончил ее первым учеником. Писать Мисима начал рано. В 16 лет вышла его повесть «Цветущий лес». Но настоящую популярность ему принес роман «Исповедь маски» (1949), написанный в традиционном для Японии биографическом жанре. В нем Мисима признался в гомосексуальности и в садистской предрасположенности. Перед началом работы

в Бангкоке стоял сезон дождей. В воздухе постоянно висела водяная пыль. В потоках яркого солнечного света порой тоже плыли дождевые капли. На небе, даже когда облака плотно закрывали солнце, где-нибудь обязательно проглядывала ослепительно сиявшая голубизна. Ни с чем не сравним был тот пепельно-мрачный цвет, которым наполнялось небо в ожидании ливня. Зыбкая мгла окутывала ряды низких домов, среди которых повсюду были разбросаны зеленые кокосовые пальмы.

Название Бангкок, буквально «город олив», столица получила в эпоху династии Аюттия, когда здесь росло множество оливковых деревьев, было и еще одно старинное название — «город ангелов». Все сообщение в городе, лежащем практически на уровне моря, осуществлялось по каналам. На самом деле это были рвы, оставшиеся после строительства дороги, потом они превратились в реки. После возведения домов, для чего тоже насыпалась земля, образовались пруды. Из прудов вода естественным образом перетекала в ручьи — и возникла сеть так называемых каналов, и все они стремились к матери воды — реке Менам, которая в лучах солнца казалась то светлой, то темно-шоколадной, совсем как кожа здешних жителей.

В центральной части города стояли трех-

города праздничным светом. Большинство жителей пользовались керосиновыми лампами, жгли свечи. В низких домишках, тянувшихся вдоль реки, семьи проводили вечер при единственной свече, горевшей перед статушкой Будды, и за бамбуковой шторой в глубине дома призрачно поблескивала позолота. Перед Буддой курилась, распространяя аромат, толстая бурая свеча. Дрожащие блики, которые бросали на воду огоньки свечей, горевших в домах на другом берегу реки, порой заслонялись силуэтами проплывавших суденышек.

В прошлом году, 15-м году Сёва, название страны — Сиам было изменено на Мьянм Тай, в европейских документах — Таиланд. Бангкок называли восточной Венецией, но вряд ли исходили при этом из внешнего облика столь несопоставимых по размеру и архитектуре городов. Причин для такого сравнения было две: во-первых, водное сообщение по многочисленным каналам и, во-вторых, огромное количество храмов. В Бангкоке их было семьсот.

Словно разрывая зеленый покров, возвышались надо всем башни — неременный атрибут буддийского монастыря, на них ложились первые блики рассвета, и на них до последнего держались лучи заходящего солнца, все время, пока светило солнце, башни причудливо меняли цвет.

башни, на крышах беседок на языках пламени танцевали белые львы.

Колонны из белого индийского мрамора на фасаде храма, стоящие на страже два мраморных льва, по-европейски низкий каменный парапет — все это, как и мрамор стен, отражая лучи заходящего солнца, просто слепило. Однако то был всего лишь белый холст, предназначенный подчеркнуть роскошь нанесенных на него золота и киновари. Арки типично готических окон с внутренней стороны оживлял красный цвет и окружало пламя сверкающей позолоты сложных узоров. И на белых колоннах фасада в венчавших их украшениях блестело золото священных змей, обвивавших колонны, скаты крытых красной черепицей крыш окаймляли поднявшие голову золотые змеи, и везде на коньках крыш, словно острый носок женской туфельки, которым ее хозяйка стремилась достать небо, тянулись вверх, рассекая золотом глубокую синеву, напрягшиеся змеиные хвосты. Золото неярко сверкало в лучах тропического солнца, оттеняя белизну оперения голубей, резвившихся на крыше.

Однако когда небо начинало грустнеть и потревоженные белые голуби вспархивали, они делались черными, как сажа. Будто

синим поясом камергер, который раздавал милостыню, и десять телохранителей.

Так было заведено, что посещение его высочеством храма продолжалось около двадцати минут. В течение этого времени сопровождавшие ожидали на газоне под яркими лучами солнца. Вскоре в помещении зазвучали струны, их звуки смешались с ударом гонга; стражник, держа в руках зонт, увенчанный изящной золотой башенкой, стоял у входа, а четыре телохранителя в головных уборах, закрывавших, как у монахов, затылок, выстроились на ступенях храма. Заглянуть внутрь помещения было нельзя, но от дверей, где солнце просто слепило, можно было разглядеть мерцавшие в полумраке свечи, различить голоса, читавший сутру. Звуки струн длились недолго — раздался гонг, и музыка смолкла.

Стражник, раскрыв зонт, почтительно укрыл от солнца вышедшего из храма Атитта Апа, телохранители отдали честь саблями. Его высочество быстрым шагом вышел из ворот и сел в «Роллс-ройс».

Вскоре провожавшие принца разошлись, ушел и отряд музыкантов — в храме наступил час вечернего отдыха. Монахи в пафрановых одеяниях, оставивших открытым правое, коричневое плечо, вышли на берег реки, одни читали, другие беседовали. По реке плыли увядшие красные цветы, гниющие плоды, в воде отражались росшие на другом берегу акации и причудливые вечерние облака. Солнце зашло за храм, трава потемнела. Вскоре в сумерках выделялись только белеющие мраморные колонны, львы и стены.

Или, например, Ват По.

На территории этого храма, к возведению которого в конце восемнадцатого века имел отношение король Рама I, людям приходилось буквально продирались между возникавшими одна за другой башнями и ступами.

Жгучее солнце. Синь неба. И огромные, словно ноги бредущего белого слона, колонны храмовой галереи.

Башни были украшены мелкими, отражавшими солнце глазурированными плитками. Большую лилового цвета башню делила на ярусы мозаика лазурного цвета: из бесчисленных плиток на лилово-алом фоне сплетался узор из желтых, красных, белых лепестков, и казалось, тут поставили огромный свернутый персидский ковер из фарфора.

А рядом — башня изумрудного цвета. Поверх башни — каменный плитам, которые словно молотом сокрушает солнечный свет, пошатываясь, бредет недавно опеченная сука, волоча персиковые с черной точкой снизу соски.

Огромный золотой Будда, возлежащий на алтаре, доверил свои крутые, густые, словно лесная чаща, завитки волос изголовью в синей, белой, изумрудной и желтой мозаике. Золотой рукой он подпирает голову, а в противоположном конце темного помещения, где-то там, поблескивает желтая пятка.

На подошвах ног Будды — изумительная инкрустация, где черный перламутр, переливающийся всеми цветами радуги, складывается в узор и картины, рассказывающие о деяниях бога: тут пионы, раковины, скалы, буддийская утварь, цветы лотоса, растущие из болота, танцовщицы, чудо-птицы, львы, белые слоны, драконы, лошади, журавли, фазаны, корабль с тремя парусами, тигры, птица феникс.

На распластанный прямоугольник окна больно смотреть — он горит, словно начищенная медная доска. Под липами проходят монахи — смуглое правое плечо обнажено, одежда светится оранжевым цветом.

Снаружи такой зной, словно воздух охвачен пламенем. К застоявшейся воде пруда, покоящегося меж башнями, тянут свои бесчисленные корни блестящие зеленые

одежде. Из моря вытянуло шею невиданное чудовище — оно пытается наброситься на войско, которое движется по дамбе, построенной армией обезьян. Вдали голубое озеро, а Хануман, выгавив меч, подбирается из чащи к белой лошади под золотым седлом, бредущей в тени темного леса.

— Вы знаете, как звучит официальное название столицы — Бангкок?

— Нет, не знаю.

— Вот, послушайте, — и сопровождавший Хонду переводчик произнес длинную фразу. — И что же это значит?

— Это практически невозможно перевести. Это как украшения на здешних храмах: зачем-то позолоченные, зачем-то тщательно вырезанные — украшения ради украшения. Выбрали всякие пышные слова и просто нанизали их, как ожерелье: «столица», «девятицветный алмаз», «великий город», «благородный». Тут, когда подданному надо просто отозваться на обращение его величества короля, бюрократы обязывают его отвечать так, — и переводчик воспроизвел какое-то выражение. — Это что-то вроде «я ваш почтительно преданный, робкий слуга».

Хонда, откинувшись в плетеном кресле, отвлечшись от забот, с интересом слушал рассказы Хисикавы.

Компания «Ицуи» приставила к нему в качестве гида-переводчика этого, похоже, неудавшегося художника, который знал все на свете, но порой манкировал своими обязанностями. Хонда, которому исполнилось уже сорок семь лет, подумал, что в такой жаркой стране перепоручить дело кому-то другому значило просто возмечить себя.

Хонда прибыл в Бангкок по приглашению компании «Ицуи». Компания вела торговые переговоры в Японии, и контракт был заключен на основе японского законодательства, но потом уже в Таиланде начались жалобы, возникли судебные споры, и при обращении в соответствующие инстанции появились проблемы, связанные с международным гражданским правом. В Таиланде адвокаты не знали японских законов. В таких случаях часто приглашали авторитетных адвокатов из Японии, и те помогли в судебных делах, подробно разъясняя ситуацию с точки зрения японского законодательства.

Компания «Ицуи» в январе этого года поставила в Таиланд сто тысяч упаковок жаропонижающего средства «Карос», однако в тридцати тысячах упаковок таблетки отсырели, изменили цвет, лекарство потеряло свои лечебные свойства. При этом указанный срок действия еще не истек. С точки зрения гражданского права инцидент следовало рассматривать как невыполнение договорных обязательств, а в Таиланде в суде дело представлялось как уголовно наказуемое мошенничество. По 715-й статье гражданского права компания «Ицуи» должна была нести материальную

*Пальцы, держащие
ложечку, наливались
тяжестью и ленью,
но поддерживать
беседу значило думать,
а это было еще тяжелее,
нежели поднять
посеребренную ложечку*

ответственность за дефект продукции, поставленной фармацевтической фирмой-подрядчиком, и для решения подобного рода проблем, связанных с международным правом, была просто необходима помощь такого высококвалифицированного

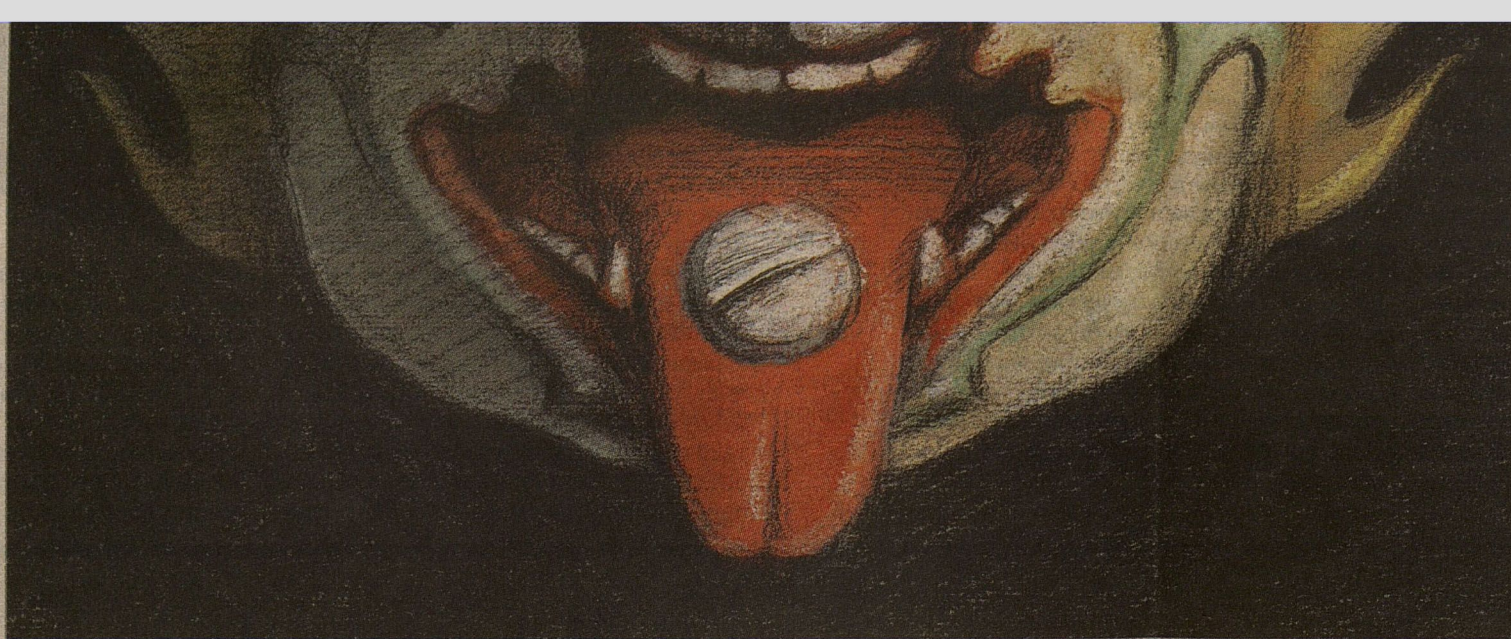

РИСУНОК АНТОН ФЕДОРОВ «ИЗВЕСТИЯ»

406
Юкио Мисима
(настоящее имя — Кимитакэ Хирабака), японский писатель, родился в 1925 году в семье государственного чиновника. Маленького Кими воспитывала бабушка, которая запрещала ему гулять со своими сверстниками и играть в шумные игры. В шесть лет по протекции своего деда, бывшего губернатора Южного Сахалина, он поступил в привилегированную школу Гакусюин, где также учились дети из императорской семьи, и закончил ее первым учеником. Писать Мисима начал рано. В 16 лет вышла его повесть «Цветущий лес». Но настоящую популярность ему принес роман «Исповедь маски» (1949), написанный в традиционном для Японии биографическом жанре. В нем Мисима признался в гомосексуальности и в садистской предрасположенности. Перед началом работы над романом Мисима, выпускник престижного Токийского университета, уволился из Министерства финансов, где работал юристом, и полностью посвятил себя литературе. За «Исповедью маски» появился роман «Нажда любви» (1951), позднее включенный ЮНЕСКО в список коллекции шедевров японской литературы. В 1956 году вышла другая всемирно известная книга Мисимы — «Золотой храм», в основу которой положен реальный факт сожжения послушником буддийского монастыря древнего храма Киннакудзи. Мисима умер 25 ноября 1970 года — в день, когда закончил свое самое масштабное произведение — тетralогию «Море изобилия». Согласно традиции самураев он сделал себе сэппуку — вспорол живот.

Юкио Мисима

Храм на рассвете

Только в «Известиях» можно познакомиться с романом самого знаменитого, загадочного и скандального японского писателя Юкио Мисимы — «Храм на рассвете». Это третья часть тетралогии «Море изобилия», ставшей последним произведением писателя. В тот день, когда автор романов «Исповедь маски» и «Золотой храм» завершил работу над книгой, Юкио Мисима покончил с собой, по самурайскому обычаю вспоров себе живот. Полностью роман выйдет в издательстве «Симпозиум» на следующей неделе.

В Бангкоке стоял сезон дождей. В воздухе постоянно висела водяная пыль. В потоках яркого солнечного света порой тоже плыли дождевые капли. На небе, даже когда облака плотно закрывали солнце, где-нибудь обязательно проглядывала ослепительно сиявшая голубизна. Ни с чем не сравним был тот пепельно-мрачный цвет, которым наполнялось небо в ожидании ливня. Зыбкая мгла окутывала ряды низких домов, среди которых повсюду были разбросаны зеленые кокосовые пальмы.

Название Бангкок, буквально «город оливо», столица получила в эпоху династии Аютия, когда здесь росло множество оливковых деревьев, было и еще одно старинное название — «город ангелов». Все сообщение в городе, лежащем практически на уровне моря, осуществлялось по каналам. На самом деле это были рвы, оставшиеся после строительства дороги, потом они превратились в реки. После возведения дамб, для чего тоже насыпалась земля, образовались пруды. Из прудов вода естественным образом перетекала в речушки — и возникла сеть так называемых каналов, и все они стремились к матери воды — реке Менам, которая в лучах солнца казалась то светло-, то темно-шоколадной, совсем как кожа здешних жителей.

В центральной части города стояли трехэтажные здания европейского типа с балконами, там, где селились иностранцы, было много кирпичных домов в два-три этажа, но деревья на улицах, сообщавшие этому городу особую прелесть, во многих местах при реконструкции улиц были вырублены и пошли на мощение дорог. В сохранившихся аллеях акации нависали над дорогой, преграждая путь лучам палящего солнца, и черным кружевом растстлали на дороге тень; после ливня, сопровождавшегося раскатами грома, поникшие от жары листья оживали и бодро распрямлялись.

Оживленностью Бангкок напоминал некоторые города Южного Китая. По улицам сновали двухместные трехколесные тележки с откинутым в сторону пологом, иногда проводили буйволы с полей в окрестностях Банкаппи — на их спинах сидели вороны, в глаза бросались черные лоснящиеся пятна — это блестяла кожа нищих, больных проказой. Вокруг бегали абсолютно голые мальчишки, девочки были прикрыты по бедрам повязками с золотым шитьем. На утренних базарах продавались диковинные цветы и фрукты. В китайском квартале в лавках золотых дел мастеров горели огнем цепи из чистого золота, закрывая прилавок, будто бамбуковая штора.

Однако с наступлением ночи город окзывался во власти луны и звезд. Кроме гостиниц, имевших свое электроснабжение, только дома приобщившихся к цивилизации богачей кое-где освещали улицы

города праздничным светом. Большинство жителей пользовались керосиновыми лампами, жгли свечи. В низких домишках, тянувшихся вдоль реки, семьи проводили вечер при единственной свече, горевшей перед статуэткой Будды, и за бамбуковой шторой в глубине дома призрачно поблескивала позолота. Перед Буддой курилась, распространяя аромат, толстая бурая свеча. Дрожащие блики, которые бросали на воду огоньки свечей, горевших в домах на другом берегу реки, порой заслонялись силуэтами проплывавших суденышек.

В прошлом году, 15-м году Сэва, название страны — Сиам было изменено на Мыанг Тай, в европейских документах — Таиланд.

Бангкок называли восточной Венецией, но вряд ли исходили при этом из внешнего облика столь несопоставимых по размеру и архитектуре городов. Причин для такого сравнения было две: во-первых, водное сообщение по многочисленным каналам и, во-вторых, огромное количество храмов. В Бангкоке их было семьсот.

Словно разрывая зеленый покров, возвышались надо всем башни — непременный атрибут буддийского монастыря, на них ложились первые блики рассвета, и на них до последнего держались лучи заходящего солнца, все время, пока светило солнце, башни причудливо меняли цвет.

Храмы обычно были небольшими, но в девятнадцатом веке Рама V, Великий император Чуалалонгкорн, построил Ват Бенчамабопхитт — Мраморный храм — великолепное современное архитектурное сооружение.

Сейчас ему исполнилось семнадцать, но он по-прежнему прилежно одолевал науки за границей. В его отсутствие неограниченную власть получил премьер-министр Руан Пибун, который лишь формально контролировался с регентами. Должность регентов имели двое. Его высочество принц Атитт Апа являлся таковым номинально, фактически же регентом был Приди Паноминг.

В свободное время его высочество принц Атитт Апа, будучи ревностным буддистом, часто посещал расположенные в разных местах храмы и как-то вечером специально отправился в Мраморный храм.

Храм находился рядом с маленькой речушкой, от нее шла аллея акаций — дорога к Накхонпатоуму.

Ворота, которые охраняли две каменные лошади, украшала напоминавшая сверкающий кристалл корона в стиле древних кхмеров, рыжие от ржавчины створки ворот были распахнуты. Слева и справа от вымощенной каменными плитами дороги, ведущей прямо к храмовому залу, на сиявших изумрудной зеленью газонах стояли две беседки с башенками, построенные по образу древнеяванских. На газонах цвели подстриженные под шар невысокие дере-

вья, на крышах беседок на языках пламени танцевали белые львы.

Колонны из белого индийского мрамора на фасаде храма, стоящие на страже два мраморных льва, по-европейски низкий каменный парапет — все это, как и мрамор стен, отражая лучи заходящего солнца, просто слепило. Однако то был всего лишь белый холст, предназначенный подчеркнуть роскошь нанесенных на него золота и киновари. Арки типично готических окон с внутренней стороны оживлял красный цвет и окружало пламя сверкающей позолоты сложных узоров. И на белых колоннах фасада в венчавших их украшениях блестело золото священных змей, обвивавших колонны, скаты крытых красной черепицей крыш окаймляли поднявшие голову золотые змеи, и везде на коньках крыш, словно острый носок женской туфельки, которым ее хозяйка стремилась достать небо, тянулись вверх, рассекая золотом глубокую синеву, напрягшиеся змеиные хвосты. Золото неярко сверкало в лучах тропического солнца, оттеняя белизну оперения голубей, резвившихся на крыше.

Однако когда небо начинало грустнеть и потревоженные белые голуби вспархивали, они делались черными, как сажа. Будто

«Роллс-ройс» его
высочества принца
Атитта Апа остановился
у ворот храма

пламя золота, бесконечно умноженное в украшениях храма, начинало коптить.

Кокосовые пальмы во дворе храма застыли в немом изумлении, похожие на фонтаны, выбрасывающие брызги зелени.

Растения и животные, металл, камень, красная охра — все мешалось, плавилось, кружилося в лучах яркого света. Мраморная грива огромных белых львов, охранявших вход, напоминала подсолнухи. Плотное сидевшие в широко распахнутой пасти зубы — семечки, а дышащая злобой морда — сам цветок подсолнуха.

«Роллс-ройс» его высочества принца Атитта Апа остановился у ворот храма. Мальчишки в красной форме — военные музыканты, уже выстроившиеся с двух сторон вдоль приютивших беседки газонов, надувая смуглые щеки, затрубили в горны. Их красная одежда отражалась в начищенных инструментах. Какая гармония с миром, освещенным тропическим солнцем!

Стражник в белой одежде с красным поясом раскрыл над головой Атитта Апа зонтик цвета травы и двинулся следом. Его высочество, в белом мундире с орденами, вошел в храм, его сопровождали отмеченный

Вскоре провожавшие принца разошлись, ушел и отряд музыкантов — в храме наступил час вечернего отдыха. Монахи в шафрановых одеяниях, оставлявших открытым правое, коричневое плечо, вышли на берег реки, одни читали, другие беседовали. По реке плыли увядшие красные цветы, гниющие плоды, в воде отражались росшие на другом берегу акации и причудливые вечерние облака. Солнце зашло за храм, трава потемнела. Вскоре в сумерках выделялись только белеющие мраморные колонны, львы и стены.

Или, например, Ват По.

На территории этого храма, к возведению которого в конце восемнадцатого века имел отношение король Рама I, людям приходилось буквально продираться между возникавшими одна за другой башнями и ступами.

Жгучее солнце. Синь неба. И огромные, словно ноги бредущего белого слона, колонны храмовой галереи.

Башни были украшены мелкими, отражавшими солнце глазурированными плитками. Большую лилового цвета башню делила на ярусы мозаика лазурного цвета: из бесчисленных плиток на лилово-алом фоне сплетался узор из желтых, красных, белых лепестков, и казалось, тут поставили огромный свернутый персидский ковер из фарфора.

А рядом — башня изумрудного цвета. По стершимся каменным плитам, которые словно «молотом» сокрушает солнечный свет, пошатываясь, бредет недавно ошенившаяся сука, волоча персиковые с черной точкой снизу соски.

Огромный золотой Будда, возлежащий на алтаре, доверил свои крутые, густые, словно лесная чаща, завитки волос изголовью в синей, белой, изумрудной и желтой мозаике. Золотой рукой он подпирает голову, а в противоположном конце темного помещения, где-то там, поблескивает желтая пятка.

На подошвах ног Будды — изумительная инкрустация, где черный перламутр, переливающийся всеми цветами радуги, складывается в узор и картины, рассказывающие о деяниях бога: тут пионы, раковины, скалы, буддийская утварь, цветы лотоса, растущие из болота, танцовщицы, чудо-птицы, львы, белые слоны, драконы, лошади, журавли, фазаны, корабль с тремя парусами, тигры, птица феникс.

На распахнутый прямоугольник окна больно смотреть — он горит, словно начищенная медная доска. Под липами проходят монахи — смуглое правое плечо обнажено, одежда светится оранжевым цветом.

Снаружи такой зной, словно воздух охвачен пламенем. К застоявшейся воде пруда, покоящегося меж башнями, тянут свои бесчисленные корни блестящие зеленые кусты. Кусок скалы на острове, где собираются голуби, окрашен в синий цвет, на нем нарисована огромная бабочка, на вершине, как дурная примета, — черная башенка.

Или охраняющий дворец королей Ват Пракео — храм, известный благодаря своей главной святыне — Изумрудному Будде.

Построенный в 1785 году, он с тех пор ни разу не подвергался переделкам.

Вверху мраморной лестницы, по обе стороны которой стоят золотые башни, даже под дождем сверкает позолота фантастической фигуры женщины-птицы. Промытые дождем киноарьер черепиц и зелень обрамления крыш блестят еще ярче.

Извиваются стены галереи Махамандапа, заполненные бесконечно тянущимися сценами из «Рамаяны».

Везде на картинах присутствует славный сын бога ветра бог Хануман с ликом обезьяны. Вот страшный демон похищает смуглую, сверкающую белоснежными, словно лепестки жасмина, зубами красавицу Ситу. Отчаянно сражается в бесчисленных битвах Рама, его широко распахнутые глаза являют миру мудрый взор.

Изображенные в технике южной китайской школы живописи горы, светлый фон, типичный для ранней венецианской школы, а на переднем плане красочные дворцы, бог обезьян, армия чудовищ. Над темной водой горных рек летит на сказочной птице бог — он весь в радужных тонах. Лошадь в черной попоне, вставшую на дыбы, усмиряет кнутом человек в золотой

так, — и переводчик воспроизвел какое-то выражение. — Это что-то вроде «я ваш почитительно преданный, робкий слуга».

Хонда, откинувшись в плетеном кресле, отвлечшись от забот, с интересом слушал рассказы Хисикавы.

Компания «Ицуи» приставила к нему в качестве гида-переводчика этого, похоже, неудавшегося художника, который знал все на свете, но порой манкировал своими обязанностями. Хонда, которому исполнилось уже сорок семь лет, подумал, что в такой жаркой стране перепоручить дело кому-то другому значило просто возмечить себя.

Хонда прибыл в Бангкок по приглашению компании «Ицуи». Компания вела торговые переговоры в Японии, и контракт был заключен на основе японского законодательства, но потом уже в Таиланде начались жалобы, возникли судебные споры, и при обращении в соответствующие инстанции появились проблемы, связанные с международным гражданским правом. В Таиланде адвокаты не знали японских законов. В таких случаях часто приглашали авторитетных адвокатов из Японии, и те помогали в судебных делах, подробно разъясняя ситуацию с точки зрения японского законодательства.

Компания «Ицуи» в январе этого года поставила в Таиланд сто тысяч упаковок жаропонижающего средства «Карос», однако в тридцати тысячах упаковок таблетки отсырели, изменили цвет, лекарство потеряло свои лечебные свойства. При этом указанный срок действия еще не истек. С точки зрения гражданского права инцидент следовало рассматривать как невыполнение договорных обязательств, а в Таиланде в суде дело представлялось как уголовное наказание мошенничества. По 715-й статье гражданского права компания «Ицуи» должна была нести материальную

Пальцы, держащие
ложечку, наливались
тяжестью и ленью,
но поддерживать
беседу значило думать,
а это было еще тяжелее,
нежели поднять
посеребренную ложечку

ответственность за дефект продукции, поставленной фармацевтической фирмой-подрядчиком, и для решения подобного рода проблем, связанных с международным правом, была просто необходима помощь такого высококвалифицированного адвоката, как Хонда.

Хонде предоставили прекрасный номер с видом на реку Менам в лучшем отеле Бангкока. Название отеля «Ориенталь» здесь произносили как «ориентен». В комнате с потолка посылали ветер крылья большого белого вентилятора, но намного приятнее было выйти вечером во двор гостиницы и там на берегу реки ловить легкую прохладу речного ветра. Перед ужином, наслаждаясь аперитивом вместе с наведывавшим его Хисикавой, Хонда слушал рассказы своего гида. Пальцы, держащие ложечку, наливались тяжестью и ленью, но поддерживать беседу значило думать, а это было еще тяжелее, нежели поднять посеребренную ложечку.

Солнце зашло: оно скрылось за лежащим на другом берегу реки храмом Ват Арун — храмом Утренней Зари. Однако широко разлившаяся по небосклону вечерняя заря очертила силуэты высоких башен и затопила огромное небо над зарослями кустарника, казавшимися бескрайней равниной. Зеленъ джунглей, словно вата, впитала свет и стала изумрудной. По реке сновали сампаны, вода словно пеплялась за грязно-розовым цвет, крутом было множество ворон.

— Всякое искусство напоминает вечернюю зарю, — произнес Хисикава. Как обычно, перед тем как изложить свою теорию, он сделал паузу и следил за реакцией слушателя. Эта многозначительная пауза Хонду раздражала куда больше, чем болтовня собеседника.